

ГОРДОСТЬ РОССИИ

О том, что его волнует, Петр Луквич Проскурин заявил уже в первом рассказе с емким названием «Цела хлеба». Он был напечатан ровно тридцать лет назад в «Тихоокеанской звезде». А волновал писателя рабочий человек, знающий цену хлебу, посторосному дому или тепловозу.

Основа человеческого счастья — труд. И этот труд определяет духовный мир современника. А ведь известно, что величие писателя именно в том, в частности, как он отразил свое время, современное ему человека.

Известно также и то, что писатель пишет о том, что прожито и пережито. Петр Проскурин прожил сложную, многогранную и многотрудную жизнь.

Ему шел тринадцатый год, когда грянула Великая Отечественная. На его глазах шла смертельная схватка с иноземными захватчиками, а потом и налаживалась послевоенная жизнь. И сам Проскурин пахал, сеял, косил. Это потом, после служ-

бы в армии, уехал он на Камчатку, где был и сплавщиком, и лесорубом, и шофером в лесхозе.

Писать начал рано, еще в Косихах, с семнадцати лет, и начал со стихов. Подтвердилась известная аксиома: самые лучшие прозаики получаются именно из поэтов. И никогда наоборот. Мать Петра Луквича долго хранила эти стихи. Несколько стихотворений опубликовала и военская газета, когда Проскурин служил в армии.

После маститый писатель не воспринимал их всерьез, но писать стихи не бросил, они потом были опубликованы. Публикуем некоторые из них и мы.

Но Проскурин сегодня — многогранен. Это и романист, и публицист, и общественный деятель... А первые рассказы, объединенные потом в книге «Тажские песни», написал Петр Луквич еще на Камчатке. После выхода романа «Глубокие раны» поселился в Хабаровске и стал литератором-профессионалом. Одни за другим выходят

его романы, сборники рассказов.

В каждом новом произведении — новые покоренные высоты. Проскурин стремится ярче, философски углубленнее отразить пародию жизни. Это были годы упорного овладения художественным мастерством, годы учебы. Я не раз видел его в коридорах Высших литературных курсов при Литинституте им. А.М.Горького, где Петр Луквич учился.

Много сложного, драматического вобрали в себя проскуринские «университеты». Но всякий раз он выходил победителем, чтобы подняться на еще большую вершину.

Человек потрясающей работоспособности, он за короткий срок, с перерывом в два года, публиковал новый роман.

Не порывал связи с Брянщиной, со своей родиной. Всякий раз, встречая его, поражался той сдержанной энергии, которая, казалось, исходила от него. Его многословие, его мудрость всегда выдавали человека незаурядного. А романы выдвинули в ряд мастеров, сопоставимых с самыми крупными талантами России, гордостью которой сегодня и является писатель.

Александр ЯКУШЕНКО.

Встреча с работниками БМЗ.

АЛЫЕ РОЗЫ

Встреч с Петром Луквичом Проскуриным на Брянщине было много. Проходили они интересно, оживленно. Самой же важной в тот год была встреча в севском совхозе «Липницкий». Собрались и стар и млад. Ведь многие знали его с детства.

Петр Луквич заметно волновался. Его подбадривала жена Лилиана Рустамовна.

Теплота и сердечность земляков покорила писателя. В то же время встреча навеяла и грусть, всколыхнула память. Я поглядывал на Петра Луквича и понимал его состояние. Ведь это была не простая встреча с читателями, а встреча с юностью, былым и пережитым. Встреча с когда-то истерзанной землей, залитой кровью, исковерканной взрывами снарядов и бомб, пожарниками, виселицами, последоной разрухой. До боли знакомыми тропинками...

Пришло время расставаться. Попрощались.

Когда собрался уезжать, Петр Луквич попросил чуть подождать.

— Хочу сходить на могилу матери, — тихо произнес он.

— Можно с вами и мне? — как-то неожиданно для самого себя спросил я.

— Почему же? Можно.

Сельский погост виднелся невдалеке. От асфальта его отделяло размокшее озимое поле. Старые ракиты были разбросаны по погосту. По низинам облетела весенняя вода. Коегде местами белел еще снег.

Лилиана Рустамовна несла тюльпаны, привезенные с собой, и подаренные на встрече букеты свежих и чудесных роз. Петр Луквич положил их на могилу матери. Помолчал. Потом тихо, с грустью произнес:

— Поздно принес я тебе эти розы... Заслужила ты большего...

Что таилось тогда в этих словах, запавших мне в душу надолго, я не знал. В них слышалась сыновья боль, скорбь и любовь...

Позднее в «Прологе любви» прочитал: «На простой могиле, усталой попкишей прошлогодней травой, розы кричали, они были здесь чуднее, личнее, они мешали самому тайнолу, происшедшему между мной и той, что лежала здесь и дала мне жизнь и все, что я умел в этой жизни, и я подсаждал, что поддался первому порыву и принес их сюда».

И еще: «...Могилы, родные могилы — это живые писемца, всегда доступные, говорящие оставшему сердцу о самом сокровенном».

Хорошо запомнился в ту пору и старые кладбищенские ракиты, давшие название — «Старые ракиты» — одной из повестей писателя.

Брянщина, Севск, Косиха. — здесь жили, отсюда вышли многие герои книг. Провозрастом Ефросинья послужила мать писателя. И встреча в «Липницком» надолго зашла в душу.

Известно СОКОЛОВ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Все знакомо до боли —
Поле, встывающее зарницы...
Я пришел к тебе, поле,
За детство свое поклониться.
На месте подворья
Уцелела одна лишь ракета,
А вокруг словно море —
Волны сизого жита,
А вокруг эта память —
Прощанье родного порога,
Словно бессвязная заметка —
Подожди, подожди немного...
И стоял на пригорке
Белым стоном любви,
Гимном прошлого эвонким
Спас-на-Крови...
Все теперь облысело:
И халмы, и поля, и леса,
Шестая овдовело
Ушедших веков жестота...
Ах, как юность жестоко,
Хмура брови свои,
Стремится уйти до срока —
Что ей Спас-на-Крови?
Но не будет забыта
Юности вольная птица,
Я вернулся, ракета,
За прощанье тебе поклониться.
В крови и душа, и колени,
Бывало, молитвой летучей
Появлялись прадедов тени...
Обнищавший душой калека,
Стою на погосте —
На забытом бурями века
Летящем под солнцем помосте,
И какая-то тихая стень
Тиснет, тиснет мне душу,
Но ведь я заветных святынь
И во сне не нарушил,
Не свернул даже в мысли своей
На зов инверца —
В тиши родимых полей
Я вернул свое сердце.
Здесь останусь во всем

О ПОЛЕ, ПОЛЕ...

Легкая тенью печали,
Предзакатным огнем
Обычная могилы и звезды
Пустынных дорог.
Пожалей всех забывших святое,
Ни о чем не проси их —
Все кривые блуждания
Затянет забвения мох.
Пусть всегда отражаются
Звездные, вечные глубы —
Ты об этом скупое
На милости небо не моли —
У того лишь в душе,
Кто страдает и любит
И от боли немой умирает
На рассветах земли.
Урони свое сердце в суглиники,
Ни о чем не жалея,
И оно прорастет потаенной,
Колдовской травой,
Что в положенный срок,
Когда в крике рябина алеет,
Опадет и в земле
Растворится водою живой.

Урони свое сердце
В суглиники перепутья России,
У связных могилы и звезды
Пустынных дорог.
Пожалей всех забывших святое,
Ни о чем не проси их —
Все кривые блуждания
Затянет забвения мох.
Пусть всегда отражаются
Звездные, вечные глубы —
Ты об этом скупое
На милости небо не моли —
У того лишь в душе,
Кто страдает и любит
И от боли немой умирает
На рассветах земли.
Урони свое сердце в суглиники,
Ни о чем не жалея,
И оно прорастет потаенной,
Колдовской травой,
Что в положенный срок,
Когда в крике рябина алеет,
Опадет и в земле
Растворится водою живой.

Во тьме и тайне в мир
приходишь ты,
Его страстей глубины и просторы
Влекут тебя, как чистые листья,

Как скрывшие неведомое горы.
Родившись, каждый тем и подписал
Свой приговор на счастье и на муку
И в жизни, в обитель призрачного сна,
Ступил познать нелегкую науку.
Ступил с раненой, нежной душой,
Чтобы она кричала и ерубела,
Стремись пройти сквозь бури
и покой
До самого последнего предела.

Один, всего один неверный шаг,
И ты уже в тоске и муке смертной,
Не знаешь, друг ли рядом или враг,
Не отличаешь палача от жертвы...

Истек наш срок,
И золотистым шаром
Коснулось солнце
Сумрачных лесов,
Где мечется
Слабеющим пожаром
Слепое эхо
Наших голосов.
Над березом лесистым
Наклонюся,
Слегка пригнув
Седые камыши,
И словно отзыв
Трепетного мая
Коснулся
Замирающей души...
Из глубины земли
Прямо в душу
Стремится чей-то
Так знакомый взгляд...
И что-то дрогнуло во мне
И рухнуло —
Ведь это я,

ГОЛОСА

Но много лет назад...
Безудержная
Ласковость природы —
Истек наш срок,
И в сумраке лесов,
Слабей и слабей
Год от года,
Блуждает эхо
Наших голосов.

РЯБИНА

С весенней долины
Путь твой праздничный начат,
А теперь светло от рябины
В предосенних ликующих плачах, —
Так светло, словно песня не спета.
И бушует в тебе половодье,
И рябина, рябина одета
В белый свет, а не в алые гроздыя.

У ОБОЧНЫХ

Кресты, кресты —
Можайск, Наро-Фоминск,
Дорога смерти и дорога славы...
Продунайся, еще ведь стоишь Минск
И водовы слезы пьют седые травы.
Ступай в леса подальше от дорог,
Как в храм,
душою низко поклониться,
Здесь тишина, багровый тяжкий мох.
А у деревьев человеческие лица...
Нечаянную дрожь свою сдержи
И молча, только сердцем, попроси их
Стоять здесь вечно у святой межи,
Определившей звездный смысл России.

Сквозь небобрые взгляды косые
В своей пророческой путь
На восток уходила Россия —
Океану на грудь,
И расскрывает азиатскую бездну
На тьмечку лет
Славянской любви бесполезный
Засабочный свет.

РАДОСТЬ ОТКРЫТИЯ

Поздновато попала в мои руки эта книга Петра Проскурина. Я прочитал «Порог любви» через три года после ее издания. И, понятно, не собираюсь писать что-нибудь вроде рецензии. Творчество писателя давно признано массовым читателем и уже не нуждается в каких-либо оценках.

Итак, «Порог любви». Как сказано в аннотации, основу ее составили «статьи и очерки, публиковавшиеся в печати». И она — «о нравственном долге сегодняшнего поколения перед прошлым Отечеством, о связи времен и роли традиций в родной культуре».

И все это так, все верно. Но когда читаешь «Порог любви», не покидает ощущение личностного болевого восприятия того же, чему радуется автор, что вызывает его негодование или возмущение. Вызывает восхищение и глубина описок и познаний автора, широта кругозора и видения им современности и прошлого.

В такой повествования впадают глаза не только вспоминающая о детстве, о начале жизненного пути — «Свет детства», «Зов вершин» или «Память», но и стихи.

Вдруг переходят в подполье
раскаленный?
— спрашивает писатель. И это тот самый вопрос, на который он дает ответ всем своим творчеством, всей жизнью своей.

А жизнь эта — что опять же видно из «Порога любви» — была многогранной и многотрудной. Крестьянский паренек из поселка Косиха, переселившийся вместе с семьей в Севск, растет, мужает, мудреет. И точно так же, как другой русский самородок — Максим Горький, жадно читает, учится и жизни. Бог не обидел его здоровьем, как и детей, которые на спор кидали через себя многопоудые кули с солью.

И молодой Петр Проскурин переплывал на спор холодную реку Камчатку, плавал спирт, выполнял тяжелейшую физическую работу, зарабатывался по «органбору» аж на Камчатку. Почему на Камчатку? Да потому что. Попало это название в вербовочном списке, вот и все. Узнает читатель, переиздывая

страницы книги, как из лесоруба и сплавщика вырастает писатель Петр Проскурин, как из той массы встреч и житейских будней выскочил он романист-глубы, составившие гордость русской культуры.

Но узнает он — вперые, пожалуй, — и Проскурина-лирика, Проскурина-поэта:

Векса уходит, и уходит люди —
Нет жизни рокового повторения,
И лишь случайный отблеск озарения
Нетленный красотой всегда
пребудет.
В заветный край аусты меня скорей,
Пусть сердце вновь неведомою птицей
Над голубым сиянием морей
На древний и неясный зов
стремится.

Это из «Знаков на бересте» — философские размышления писателя о смысле бытия. И такого Проскурина читатель открывает впервые.

И эти открытия особенно радостны сегодня, когда Брянщина принимает Петра Проскурина на своей земле. Александр ЯКУШЕНКО.